

14. Петр Аркадьевич Столыпин. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете (1906–1911) : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.lib.ru>.
15. Пикуль В. С. Из тупика / В. С. Пикуль. – М. : Голос, 1996. – 480 с. – (Военная литература).
16. Программа реформ П. А. Столыпина. Документы и материалы. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2002. – Т. 1.
17. Смолянников С. А. Курс на Восток : исторический сборник по переселению украинцев на Дальний Восток / С. А. Смолянников. – К., 2007. – 120 с.
18. Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия : полное собрание речей и выступлений / П. А. Столыпин. – М. : Мысль, 1991. – 520 с.
19. Столыпин П. А. Жизнь и смерть : сб. воспоминаний и статей / П. А. Столыпин. – Саратов : СГУ, 1997. – 480 с.
20. Родзянко М. В. За кулисами царской власти / М. В. Родзянко. – М. : Панорама, 1991. – 48 с. – (Мгновения истории).
21. Хотулев В. В. Петр Столыпин : Трагедия России / В. В. Хотулев. – М. : Олимп, 1998. – 496 с. – (Человек – легенда).
22. Энгельгардт А. П. Русский Север. Значение для Севера посещения Архангельска и Мурмана министром финансов С. Ю. Витте в 1894 г. / А. П. Энгельгардт. – ретросп. изд. – М. : Наука, 1994. – 480 с.

Фесенко А.

УДК 94(47)

ЧУМНОЙ БУНТ В СЕВАСТОПОЛЕ

7 июня 1830 года восстание в Севастополе, вошедшее в историю как «чумной», а в некоторых источниках «бабий» бунт, было жестоко подавлено. К следствию было привлечено 6 тысяч человек. 1580 человек предстали перед судом: 497 гражданских лиц, из них 423 – жены и вдовы матросов и мастеровых, 480 матросов флотских экипажей, 128 солдат разных частей, 14 младших офицеров, 11 карантинных чиновников и врач, 6 комиссионеров. К смертной казни приговорили несколько десятков человек, затем приговор был изменен, и 11 августа 1830 года в слободках были публично казнены семь человек: квартирмейстер Тимофей Иванов, унтер-офицер Крайненко, мещанин Яков Попков, фельдфебель Петр Щукин, квартирмейстер Кондратий Шкурпетов, слесарь рабочего экипажа Матвей Соловьев, боцман Федор Пискарев. Несколько сот осужденных прогнали шесть раз сквозь строй, многие погибли, не вынеся тяжелых телесных наказаний шпицрутенами, другие были сосланы на каторгу и в арестантские роты. Свыше 4200 матросов с семьями были высланы в Архангельск и другие отдаленные районы страны [1].

Эти события были связаны с именем видного военного и государственного деятеля России 1 половины XIX столетия, генерал-губернатора Новороссии и Бессарабии, графа Михаила Семеновича Воронцова.

В связи с созданием 20 марта 1805 года Николаевского и Севастопольского губернаторства, Севастополь имел особый статус, и вся полнота власти находилась в руках Главного командира Черноморского флота и порта, военного губернатора Алексея Самуиловича Грейга. Власть же Новороссийского генерал-губернатора на Севастополь не распространялась. В канцелярию наместника поступали указы императора и сената, распоряжения разных ведомств, для общего исполнения.

Однако именно М.С. Воронцов сыграл значительную роль во время восстания 1830 года. Ему императорским указом были предоставлены неограниченные полномочия как в подавлении восстания, так и в расследовании причин восстания, которое было проведено после бунта, что подчеркивает актуальность темы.

Сегодня особенное внимание историков привлекают межличностные отношения, влияющие на ход исторических событий. В исследуемой теме авторы попытались понять, почему лучшие друзья М.С. Воронцов и А.С. Грейг стали врагами, а их непримиримость повлекла за собой столь масштабные исторические последствия.

По свидетельству многих исследователей, занимающихся эпохой Воронцова (О.Ю. Захарова, Б.И. Гаврилов, С.Андросов и др.), Михаил Семенович способствовал подъему экономики Крымского полуострова, благоустройству городов, развитию морских и сухопутных коммуникаций. По его инициативе проложено шоссе, соединившее Севастополь с Симферополем, построены пристань в Балаклаве, провиантские магазины в Севастополе и других городах Крыма, приведены в порядок почтовые и военные дороги. Однако в этот период ему пришлось столкнуться с острейшей проблемой – борьбой с эпидемическими заболеваниями, несущими опасность распространения по всей территории Российской империи. Первый успешный опыт борьбы с чумой М.С.Воронцов получил в 1825 году в Измаиле.

Во время Русско-турецкой войны 1828-1829 гг. в действующей армии вспыхнула эпидемия чумы, охватившая Бессарабию и Одессу, которая была быстро ликвидирована. Но суда Черноморского флота, постоянно взаимодействуя с армией, часто заходили в порт Севастополь, доставляя беженцев, пленных, пополняя запасы продовольствия и вооружения. Поэтому во избежание распространения инфекции по всей территории Российской империи Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор граф М.С.Воронцов, которому был подчинен и Крым (но не подчинен Севастополь), отдал приказ о взятии Севастополя в мае 1828 года в карантинное оцепление. На окраине города в районе Херсонеса расположена бухта, где

пришедшие в Севастополь суда выдерживались в карантине. Вполне достаточно было оцепить определенную площадь вдоль бухты. Однако карантинной цепью в радиусе 30 верст окружен был весь город.

До июня 1829 года в город свободно ввозились продукты и производился выпас скота через Северную и Южную заставы, но с назначением Воронцовым начальником карантинного оцепления полковника князя Херхеулидзева положение резко ухудшилось. Не советуясь с Главным командиром Черноморского флота и портов А. Грейгом, а также с руководством города, пользуясь полномочиями, полученными от Воронцова, он с 17 июня восстановил «полный карантинный термин». В этот период в городе не наблюдалось никаких эпидемических заболеваний, а на рейд не заходило ни одно судно. На флоте не отмечено сходных по признакам с чумой заболеваний, и на всех судах в море, по указанию адмирала Грейга, соблюдались строго профилактические меры [2].

В результате мер, предпринятых Херхеулидзем, город оказался в полной изоляции. Цены резко подскочили, на карантинных заставах процветали спекуляция и коррупция. Ухудшилось положение беднейших слоев населения. Однако полицейские, карантинные чиновники и врачи в этот период получали достаточно высокие суточные. До 23 августа в городе не было ни одного подозрительного заболевания. Лишь 23 августа на корабле, шедшем в Севастополь, умерло 4 матроса, и то не от чумы. Однако и этот факт послужил поводом для ужесточения карантинных мер. Через 4,5 месяца контр-адмирал Сальти доносил, что «Севастополь состоит благополучным». 10 ноября А.Грейг писал князю Меншикову «нашел сей порт в совершенно благополучном состоянии... Приняты все меры к оцеплению тех мест, где помещаются больные, свозимые с судов, и к отделению судов сомнительных...». Несмотря на то, что инкубационный период чумы несколько дней, по показаниям свидетелей «сомнительных держали в карантине до 140 дней», что вызывало недовольство горожан [3].

В чумное и карантинное отделения на Павловском мысу в не приспособленные для этого помещения свозили больных и тех, кто был в контакте с ними. Многие умирали там от бесчеловечного обращения, невежественных методов лечения, плохого питания. Адмирал Грейг писал в своих замечаниях к делу о восстании, что «Павловский мыс казался для людей могилой» [4].

В интересах чиновников было выгодно доказать наличие чумы в Севастополе, и контр-адмирал Сальти 27 сентября 1829 года доносил о том, что «Карантинная контора... усиливается и обыкновенные болезни показать чумными...». По свидетельству Грейга, «... в течение 5 месяцев люди не слышали, чтобы болели и умирали естественной смертью, а кто бы ни заболел в командах или на дому – объявлялись за чуму» [5].

Наступление холодов, отсутствие топлива, недостаточное питание и недоброкачественные продукты повлекли увеличение заболеваемости и, как следствие, смертности. Это послужило поводом для признания в городе чумы. Однако 1 декабря 1829 года Медицинский совет отверг существование чумы. Объективное мнение Медицинского совета не смутило местное карантинное начальство и М.С. Воронцова. Однако со стороны Воронцова были попытки узнать истинное положение дел в городе Севастополе и желание оказать помощь. Он направил предписание губернатору Таврической губернии Казначееву позаботиться о снабжении города. Воронцов писал: «... если имеется нужда – пособить Севастополю дровами за справедливую плату». Однако Казначеев в рапорте от 9 декабря 1829 года возразил: «Город со времени учреждения карантинной линии никогда не терпел и не терпит такой крайности». Хотя и не отрицал «возвышения цен от ранней зимы и дурных дорог» [6].

Новый военный генерал-губернатор Севастополя генерал-адъютант Столыпин, которого современники характеризовали как «бездеятельного, безвольного», всецело доверял своим подчиненным. В первую очередь это были назначенные губернатором Казначеевым председателем комиссии «по погашению чумы в Севастополе» инспектор Таврической врачебной управы Ланг и штаб-лекарь Верболов, которому, согласно его собственному утверждению, принадлежала «заслуга» открытия в Севастополе чумы [7].

Врачи, утверждавшие наличие чумы в городе, создали свой медицинский совет, который признал существование чумы и ввел новые профилактические меры: город был закрыт, разделен на 9 зон, однако Грейг в письме императору указывает 5 зон, еще более ужесточены карантинные меры, создавшие серьезные проблемы для беднейших слоев населения, запрещено свободное передвижение и общение, кроме должностных лиц (медицинский персонал, поставщики продовольствия, торговцы). Из переписки А.Грейга с императором Николаем I следует, что имелись доносы от команды Воронцова на действия А.Грейга. В письме от 11 ноября 1829 года Грейг указывает: «Я ни в коем случае не думал ослаблять карантинные правила, как по видимому донесению было Вашему Императорскому Величеству. Напротив, всегда наблюдал о исполнении строжайших мер к недопущению заразы не только в пределы Империи, но и на флоте» [8].

Однако семя сомнения было посеяно. Также начались доносы на адмирала Грейга по поводу злоупотреблений во флоте на предмет плохого снабжения продовольствием на кораблях. По поручению императора контр-адмирал Беллингаузен и капитан 2 ранга Корсикив провели ревизию в Севастопольском порте. Злоупотреблений практически не было выявлено, кроме найденных недоброкачественных сухарей на фрегате «Флора». А. Грейг сообщал императору: «показания Корсакова неосновательны, ...подрядческий хлеб по необходимости завозится в казенные магазины, что забракованная солонина не могла быть отпущена, что малость негодного такелажа не была отдана на казенный завод и т.д. », далее сообщал, что «... препроводительными рапортами частных командиров ясно отмечается неисправность доноса, ибо на всех судах, кроме фрегата Флоры, где часть сухарей попортилась от особенных причин, провизия оказалась доброкачественной» [9].

В городе образовалось противостояние и две команды – А.Грейг со своими единомышленниками и М.Воронцов со своими сторонниками.

По поручению М. Воронцова в Севастополе была создана своя комиссия «на предмет продовольствия» под председательством генерал-майора Примо. Население бесплатно, хотя и в недостаточном количестве, обеспечивалось дровами, продовольствием и лекарствами. Совет ограничил доступ врачей к чумным больным, кроме четырех: Ланга, Шрамкова, Верболозова и Валяевского. Об этом указывают как архивные документы, так и свидетельства современников. Несмотря на то что они осматривали заболевших чумой, никто из них не пострадал. Как указывает исследователь А.Полканов, это был единственный пример в истории чумных эпидемий [10].

Неправильная диагностика, нетрадиционные методы лечения, как-то репрессивное купание зимой в море, привело к увеличению смертности среди населения города от горячки. Действительно, в метрических записях Адмиралтейского Николаевского собора в январе 1830 года зафиксировано самое большое количество умерших – 73 смертных случая, из которых 16 дети: 29 умерло от поноса, 15 – от горячки, 3 от водяной, но ни одного случая от чумы. В последующие месяцы количество умерших составило: февраль - 27, март - 23, апрель - 19, май - 15, июнь - 26 [11].

Анализ частично сохранившихся метрических книг позволил выявить только одну запись о смерти от чумы – 13 мая 1830 года прапорщика севастопольского военного карантинного 50-летнего Андрея Семенова [12].

Однако данный диагноз можно подвергнуть сомнению. Это подтверждают и выводы исследователя А.Полканова, и исследования документов, хранящихся в фондах РГАВМФ. В исторической записке о событиях в Севастополе 3 июня имеется выписка в виде таблицы с указанием умерших и выживших в карантине. Так, в январе 1830 года общее количество заболевших составило 307 человек, умерших – 110, выздоровевших 197, что составило – 60% [13]. «Картина, совершенно исключая наличие действительной чумы» [14]. О том, что смертность находилась в прямой зависимости от условий содержания больных и методов их лечения, доказывают не только протоколы Медицинского совета, но и письменные свидетельства Грейга, Сальти, воспоминания доктора Закревского, заведовавшего противочумными мероприятиями в Корабельной слободе под непосредственным начальством Ланга и других современников [15].

По мнению специалиста по чуме профессора С.М.Щастного, чумы в Севастополе не было, т.к. в условиях содержания и купания в море неизбежно приняла бы форму легочной чумы и скосила бы весь город. В специальной литературе по истории чумных заболеваний имеются указания на чуму в 1827-1829 годах в Румынии, Бессарабии и Одессе, однако нет упоминания о Севастополе [16].

Карантин держали до 27 мая 1830 г., а для Корабельной слободки продлили еще на 7 дней. Но и после его окончания начальство приказало вывести жителей слободки за город и продлило карантин еще на 2 недели. Эта мера была вызвана стремлением изолировать население самой «бунтарской» - так она называлась в архивных документах - слободки от населения других частей города. Тем не менее восстания в Севастополе не удалось избежать.

Вечером 3 июня по набату колокольни Адмиралтейского собора жители с криками «ура» двинулись к дому временного военного генерал-губернатора Столыпина, адмиралтейству и Собору. К мятежникам примкнули матросы флотских экипажей, 17 и 18 рабочих экипажей и рабочие военного ведомства. Многие авторы, исследовавшие севастопольский бунт, указывают (Полканов, Гаврилов, Семин и др.), что восстание было заранее спланировано и возглавлено «Доброй партией». Однако документы, хранящиеся в личном фонде Грейга в РГАВМФ, опровергают эти сведения.

Доведенные до отчаяния повстанцы 3 июня убили Столыпина, а вместе с ним еще нескольких чиновников [17]. Об этом сохранилась запись в метрической книге Адмиралтейского Николаевского собора, хранящейся в Государственном архиве г. Севастополя. Кстати, Николай Столыпин был родным братом бабушки М.Ю. Лермонтова. Кроме Столыпина, были убиты карантинный инспектор 60-летний генерал Степан Стулли и бригадный командир 48-летний полковник Степан Воробьев [18].

Ранее, 11 марта 1830 года, имеется запись об убитом лейтенанте Дмитрие Делаграмматикове матросом 13 ластового экипажа. Т.е. отдельные случаи неповиновения и негодования случались и ранее бунта, поэтому нельзя утверждать об организованном бунте, скорее этот случай указывает на стихийный характер восстания [19].

К 22 часам мятежники захватили весь город. Они разгромили дома и квартиры 42 чиновников и офицеров, избили плац-адъютанта военного губернатора Родионова. Вся полиция бежала из Севастополя. Войска гарнизона (860 человек при трех пушках) отказались подавлять бунт. Комиссар Батищев, капитан Матусевич, штабс-капитан Перекрестов, лейтенант Энгельгардт, прапорщики Дмитриев, Кулаков и многие другие офицеры сочувствовали восставшим. У руководителей «комиссии по погашению чумы», включая контр-адмирала Скаловского, организовавшего карантинное оцепление, коменданта города генерал-лейтенанта Турчанинова и городского головы И.Носова были взяты подписки о том, что «никакой чумы в городе не было». 4 июня комендант Турчанинов издал по требованию народа следующий приказ: "Объявляю всем жителям города Севастополя, что внутренняя карантинная линия в городе снята, жители имеют беспрепятственное сообщение между собой, в церквях богослужение дозволяется производить, и цепь вокруг города от нынешнего учреждения перенесена далее на две версты". Свою победу над произволом администрации жители Севастополя отметили молебном и крестным ходом.

В фондах ГАГС был найден интересный документ, который не описан ни в одном источнике, ни одним исследователем. В рапорте А. Казначеева М. Воронцову от 5 июня 1830 года значилось: «В буйстве и умерщвлении участвовали действительно матросские жены; говорят, однако же, что в числе их были мужчины, одетые в женское платье. После злодеяний мятежники заставили священника служить молебен, потом ходили по улицам с образами и хоругвями. Пехотные войска отдавали им честь. Из числа 6 батальонов в Севастополе среди них орловский батальон ведет себя хорошо; прочие участвуют иногда в грабежах, а большею частию ничего не делают» [20].

По свидетельствам исследователей, в большинстве своем беднейшая часть населения участвовала в восстании, главным образом, из чувства ненависти к «своим притеснителям во время чумы» и, найдя выход своему гневу, в ночь на 4 июня, постепенно вернулась к обычным будничным заботам. В различных источниках имеются разночтения по поводу прекращения бунта. 12 августа следственная комиссия докладывала императору о том, что «бунт не прекращен, а прекратился сам собой».

Однако архивные документы свидетельствуют, что бунт «прекратился» не 5 июня, когда в город были введены первые войска, а 7 июня, об этом неоднократно в своих рапортах упоминает А.Грейг, прибывший из Николаева [21].

11 июня Грейг издал приказ по командам и городу, в котором призывал: «...виновных явиться добровольно к начальству и чистосердечным признанием и раскаянием, обещал им предстательство пред Всемилостивейшим Государем, о смягчении их участия или о самом прощении, кроме зачинщиков мятежа и злодеев дерзнув их обгадить руки свои в крови Императорского наместника и других чиновников» [22].

А.С. Грейг обещал наказать карантинных чиновников, и помилование всем, кроме зачинщиков и убийц.

Независимо от добрых намерений Грейга, население было обмануто. В Исторической записке по поводу возмущения 3 июня, хранящейся в РГАВМФ, указывается на тайные доносы, порочащие А. Грейга, посылаемые из Севастополя императору в Санкт-Петербург.

Как следствие, вышел приказ императора о неограниченных полномочиях М.С. Воронцову, а Грейгу предписывал «состоять по сему случаю в начальстве у графа Воронцова и исполнять все распоряжения его... графа Воронцова командировать к Севастополю и куда надобность потребует достаточное число войск от состоящих в заведывании графа Витта...» [23].

Стали стягивать к Севастополю войска. Гражданский губернатор Казначеев вызвал из Феодосии 12-ю дивизию генерала Тимофеева, прибывшую с театра военных действий.

Воронцов не рискнул прибыть в сам Севастополь, а поселился на северной стороне.

А.Грейг, приехав в Севастополь, встретился с населением. Его окружила «толпа народа», в том числе и малолетних детей и голодных женщин, жалующихся на «изнурительный карантин» [24].

По вступлению в город надежных частей дивизии «боевого» генерала Тимофеева началась расправа.

Над выяснением обстоятельств дела работали следственные комиссии: одну возглавлял сам Воронцов, вторая была организована Грейгом и называлась она «по приему жалоб разных лиц морского ведомства и жителей на карантинное управление во время бывшей в Севастополе чумы в 1830 г.»

Комиссию, назначенную приказом Грейга 11 июня, возглавил капитан 1 ранга Патаниоти. Приказом от 12 июня Воронцов назначил в комиссию своего представителя – майора греческого Балаклавского батальона Качони [25].

Состав комиссии постоянно менялся, однако «комиссия» собрала много доказательств грубейшего произвола и беззакония со стороны чиновников, притеснения со стороны властей. В комиссию были сданы свидетельские показания о бесчеловечном поступке «мортусов» с умершею от родов вдовою Христиною Фгученковою, о противозаконных поступках Качони и аудитора Рыжкова, о докторе Верболозове, который склонял к сожительству жену унтер-офицера Кириллова, о недостатке продовольственных пайков, о купании населения в море и др [26].

В исторической записке значится: «...Некоторых женщин умерших от родов, но признанных за чумных мортусы таскали днем через весь город в самом позорном положении, не омыв их от кровей. И почти нагих привязанных и окровавленных младенцев» [27].

Представитель Воронцова майор Качони прибыл в комиссию 29 июня, а 18 июля вынес тайно рапорт, подготовленный императору о положении жителей Корабельной стороны, объявив себя больным, отказался от заседаний в комиссии [28].

Как указывают письма Меньшикова, Толстого и др., «комиссия Грейга могла открыть многое, т.к. было собрано много жалоб, но она была закрыта Воронцовым 19 июля» [29].

Воронцов заменил комиссию Грейга другой, во главе с Г.В. Гинтовном, и это «...невольнo поражает всякого, произвольно разрушивши комиссию вдруг одному лицу предоставлять все права оной, одно лицо полагают достаточно там, где многие ошиблись» [30].

Возможно, если бы делу был дан законный ход тогда, не произошло бы последующих трагических событий. По настоянию графа Воронцова комиссию обвинили в превышении полномочий и распустили, протоколы аннулировали, но вторая комиссия во главе с графом А. П. Толстым не только подтвердила выводы первой, но и отказалась подписывать фальсифицированные протоколы о числе «умерших от чумы».

То, что выявила комиссия А.Грейга о злоупотреблениях гражданских чиновников, было невыгодно Воронцову, а так как главными участниками восстания были матросы флотских и рабочих экипажей: это компрометировало Главного командира ЧФ и портов Грейга.

Примечательно то, что, в отличие от Воронцова, А.Грейг добивался полного оправдания восставших севастопольцев, поскольку чувствовал в происходящем и большую долю собственной ответственности. Он

неоднократно обращался к императору с просьбой о помиловании офицеров, которые были приговорены к смертной казни. «...Почитаю дело сие весьма спорным и опасаясь ответственности, как изъявления моего согласия, так и препятствование исполнению распоряжений...Воронцова, я осмеливаюсь придать сие обстоятельство всеподданнейше на благоусмотрение Вашего Императорского Величества, о чем уведомил и Одесского градоначальника отношением с сего копий подносимых» [31]. Далее прилагался список офицеров, где о каждом Грейг писал, что знает этих офицеров с хорошей стороны: «...кои долговременно и усердно, или отлично службою своею лично мне известны, и которые судя по выражению: за неисполнение своих обязанностей без всякого участия в злонамеренных действиях возмутителей, так токмо имели несчастье соделаться виновными, что среди беспорядков и заблуждении буйной черни, не нашлись удержать в повиновении людей» [32].

В личном фонде Грейга в РГАВМФ сохранились письма императору с просьбой о помиловании многих нижних чинов морского ведомства и жителей, высланных за пределы Севастополя. В одном из писем сообщалось: «...они (жители – прим.авт.) ведут в окрестностях Севастополя беспризорную жизнь, снискивают себе пропитание испрошением подаяния и распутством, они умоляют... к соединению их с мужьями и дозволении до того местожительства в Севастополь». Далее Грейг писал, что многие уже умерли от холода и голода и просил пощадить оставшихся в живых [33].

Однако после расправы над восставшими были проведены «суды офицерской чести» над высшим военным руководством города. Суды постановили «изгнать из армии и исключить со службы» - всех высших офицеров, принявших участие в организации «чумного карантина» в Севастополе, включая коменданта Севастополя, командующего войсками генерал-лейтенанта Турчанинова, который, помимо обвинений в казнокрадстве, был осужден «за трусость и попустительство».

Противостояние между Грейгом и Воронцовым продолжалась 3 года, и об этом свидетельствует переписка между Грейгом и Воронцовым, рапорты императору, переписка Меншикова с Грейгом и Воронцовым, и, наконец, материалы, переданные в Комитет министров. 3 года шли разбирательства жалоб Грейга и Воронцова. Вот что написано в выписке из журнала Комитета министров от 30 октября 1833 года: «...Грейг обвиняет Воронцова, как главного местного начальника распространителя карантинных мер, которые в 1830 г. были предприняты в Севастополе против чумы. Граф Воронцов обвиняет начальников морских». Комитет прямо утверждает: «Граф Воронцов и Адмирал Грейг по занимаемому званию каждый из них имеет право на равную степень веры, а потому ни одному из них не верит: Воронцову в обвинениях морского ведомства, а Грейгу в обвинениях гражданского. ...Посему Комитет, согласно заключению Министра Внутренних дел, полагает настоящим делом почесть оконченным и оставить без всяких дальнейших последствий. Государь Император положение Комитета высочайше утвердить соизволил» [34].

Однако нельзя не отметить и далее сочувственного отношения Грейга к участникам севастопольского восстания, он пишет на имя императора историческую записку, копия которой хранится в фондах РГАВМФ, и это свидетельствует о том, что подлинник все-таки был отправлен императору. В ней А. Грейг описывает все происходящее в Севастополе, излагает причины бунта, считая, что это жесткие карантинные меры, введенные графом Воронцовым, а также беззаконие и произвол чиновников. Это было доказано свидетельскими показаниями матросов, солдат, и населения (украдены из канцелярии Качони), однако Воронцов, стремясь отвести от себя ответственность, отменил действия А.Грейга, а самого отстранил от расследования дела.

Авторы сделали вывод, что более важным для императора стало скорейшее наведение порядка в севастопольской крепости, а какими методами, это уже другой вопрос. Николай I принял сторону своего наместника М.С. Воронцова.

Была велика роль М.Воронцова не только в подавлении восстания, но и казнях. Через конфирмацию графа Воронцова прошли все осужденные, и только после этого списки подавались на утверждение императору, который оказался более толерантным. В результате из 626 человек, приговоренных к смертной казни, казнили только семь. Первые казни были совершены публично 11 августа 1830 года по распоряжению Воронцова одновременно в трех концах города: у Корабельной слободки, у Артиллерийской бухты и у шлагбаума, т.е. у места жительства наиболее активных участников восстания в целях их устрашения.

Следует также отметить, что за подавление восстания многие гражданские чиновники из команды М.Воронцова были отмечены наградами. Самую высшую получили непосредственные усмирители простого люда – генерал Тимофеев и князь Херхеулидзе. Оба получили пожизненную аренду, что выражалось в несколько десятках тысяч дохода в год. Более двухсот человек офицеров и унтер-офицеров, а также карантинные и медицинские чиновники получили различные награды.

Таким образом, севастопольское чиновничество в дополнение к незаконному обогащению во время карантина получило и «законное» вознаграждение от императора. Награды раздавались щедро, и зависело это от благорасположения высших ведомственных начальников, которые получили право представлять и аттестовать своих чиновников.

Из команды А.Грейга к наградам представлений не было, а сам адмирал вскоре после окончательного разбирательства по делу «Чумного бунта» и вынесенного вердикта Комитетом министром, в 1833 году, был переведен с должности Главного командира ЧФ и портов в Санкт-Петербург, по мнению авторов, не случайно.

Дореволюционные авторы пытались представить восстание в Севастополе в виде «бабьего бунта», в советской историографии события в Севастополе трактовались в качестве «одной из ярких страниц истории освободительной борьбы в России».

Неверные идеологические выводы из истории с фальшивым «чумным карантинном» позволили списать произвол местных властей, пользовавшихся полным доверием у М.С. Воронцова, на «Николаевский режим».

Однако исследования архивных документов и объективная оценка событий свидетельствуют, что никто из восставших не имел никаких *политических* требований. Напротив, в ходе восстания собирались доказательства взяточничества и коррупции «комиссии по погашению чумы», создания невыносимых бытовых условий населению с целью личного обогащения. М.Воронцов применил слишком радикальные меры в этом вопросе, что можно объяснить высокой государственной должностью и оторванностью от тех должностных лиц, которые знали истинное положение дел, но, воспользовавшись доверием Воронцова, использовали свое положение для обогащения.

Взрыв социального негодования в Севастополе выявил важную особенность государственного управления: нельзя спускать на региональный уровень бесконтрольное выполнение общегосударственных задач по жизнеобеспечению всего населения страны. Это неминуемо приведет к грубейшим злоупотреблениям властью. Так и произошло в Севастополе.

Источники и литература:

1. Российский государственный архив военно-морского флота (далее РГА ВМФ). – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 21. – Л. 48. – 48 об.
2. Полканов А. Севастопольское восстание 1830 года / А. Полканов. – Симферополь : Крым, 1936. – С. 24-25.
3. РГАВМФ. – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 15. – 15 об.
4. РГА ВМФ. – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 30. – 30 об.
5. РГА ВМФ. – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 1-28.
6. РГА ВМФ. – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 1-68.
7. РГА ВМФ. – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 1-68.
8. РГАВМФ. – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 31.
9. РГАВМФ. – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 21-24.
10. Полканов А. Севастопольское восстание 1830 года / А. Полканов. – Симферополь : Крым, 1936. – С. 36.
11. Государственный архив г. Севастополя (далее ГАГС). – Ф. 23. – Оп. 1. – Д. 10.
12. ГАГС. – Ф. 23. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 48.
13. РГАВМФ. – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 48.
14. Полканов А. Севастопольское восстание 1830 года / А. Полканов. – Симферополь : Крым, 1936. – С. 39.
15. РГАВМФ. – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 1-68; ГАГС. – м/п 1186.
16. Полканов А. Севастопольское восстание 1830 года / А. Полканов. – Симферополь : Крым, 1936. – С. 42.
17. РГАВМФ. – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 21. – Л. 27.
18. ГАГС. – Ф. 23. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 48. – Об. 49.
19. ГАГС. – Ф. 35. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 66. – м/п 1186.
20. ГАГС. – м/п 1186.
21. РГАВМФ. – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 1.
22. РГАВМФ. – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 2. – 2 об.
23. РГАВМФ. – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 1-65.
24. РГАВМФ. – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 1.
25. РГАВМФ. – Ф. 8. – Д. 21. – Л. 1.
26. РГАВМФ. – Ф. 8. – Д. 21. – Л. 4.
27. РГАВМФ. – Ф. 8. – Д. 17. – Л. 11.
28. РГАВМФ. – Ф. 8. – Д. 17. – Л. 7.
29. РГАВМФ. – Ф. 8. – Д. 21. – Л. 28.
30. РГАВМФ. – Ф. 8. – Д. 21. – Л. 28.
31. РГАВМФ. – Ф. 8. – Д. 21. – Л. 15.
32. РГАВМФ. – Ф. 8. – Д. 21. – Л. 18-30.
33. РГАВМФ. – Ф. 8. – Д. 21. – Л. 19. – 19 об.
34. РГАВМФ. – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 61-66.